

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР 1939 – 1941 гг.: ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРАММ, ФУНКЦИИ ШКОЛЫ, ФРОНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Создание советской системы просвещения в западных областях Белоруссии диктовало коренные изменения содержания школьного образования. В историографии данная тема не нашла должного внимания. А между тем в политике советизации школа играла одну из ведущих ролей. Поэтому исследования в области просвещения имеют немаловажное значение для характеристики исторических процессов на присоединяемых к СССР землях. Как и зачем преобразовывалась деятельность школы на землях с недавним капиталистическим прошлым – главная цель нашей работы.

Обучение в школе II Речи Посполитой имело приоритеты государственной политики – в определенном роде шовинистической. С другой стороны, программа предыдущей школы была с ярко выраженным гуманитарным уклоном: в “повсехной” школе III ступени, например, значительную часть занимали такие предметы, как пение, религиоведение, польский язык и сравнительно мало часов предполагалось для изучения арифметики, географии, природоведения [1.-Ф. 7580 “П”.-Оп.1-Д.430.-Л.11-13].

После 17 сентября 1939 г. школа становится проводником новой идеологии. Квинтэссенция ее требований к школьному образованию четко выражена в отчете Вилейского обкома КП(б)Б: “В системе коммунистического воспитания трудящихся школа занимает особо важную роль. Перед школой стоит задача подготовить всесторонне развитых членов коммунистического общества. Она должна обеспечить действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.” [2.-С.323]. Обычно подчеркивалась первоплановость того, что новая школа должна “воспитывать в духе патриотизма, интернационализма и быть школой коммунизма” [3.-С.173]. К тому же перед школой бывших “крэсов северо-восточных” ставилась задача “в наиболее короткие сроки и наиболее эффективно перестроить идеологию учащихся и привить им наше коммунистическое мировоззрение” [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.240.-Л.18]. Кроме того, можно выделить еще две характеризующие формирующуюся школу черты: 1) предпочтение не гуманитарным, а точным дисциплинам и связь последних с практикой; 2) жесткое антирелигиозное воспитание.

Соответствующим образом изменялись программы обучения. Система “повсехных” школ и дифференцированное обучение в гимназиях и лицеях для структуры советского просвещения являлись слишком сложными [2.-С.360]. С января 1940 г. все школы переходили на единые программы, отличавшиеся лишь языками обучения в разных национальных школах. Поскольку 1939/40 учебный год являлся этапным при унификации школ западных областей Белоруссии, для них были разработаны специальные программы с учетом знаний, приобретенных учащимися в школах Польши, по выражению П. Паномаренко, “в сторону... идейного и академического оздоровления” [5.-С.3].

“Переходные” таблицы дают представление об уклоне содержания программ в советской школе. Математические предметы вместе с физикой и химией занимают значительную, гораздо бо́льшую, чем ранее, часть программы, а в старших классах им отводилось более 1/3 учебного времени. Что касается гуманитарных дисциплин, то некоторые из них были убраны из программы (религиоведение), некоторые подверглись сокращению по времени (пение, рисование), а большинство – заменено предметами, соответствующими понятиям коммунистической идеологии и так называемой ленинско-сталинской национальной политики. Среди школьных предметов появились история СССР, Конституция СССР, военное дело, белорусский и русский языки в каждой школе, несмотря на язык преподавания.

В первую очередь, еще до официального перевода школ на советские программы, Наркомпрос дал всем директорам школ указание о прекращении преподавания религиозного предмета и снятии во всех школах крестов (7 декабря 1939 г.) [4.-Ф.4.-Оп.21.-Д.1774.-Л.18]. А

вскоре программы школ западных областей стали вообще антирелигиозного содержания. Говорилось, что “преподавание каждого предмета учитель может и должен сделать средством антирелигиозной пропаганды” [6.-С.9], для чего готовилась соответствующая теоретическая база [7.-С.20-35; 8.-С.80-83].

Преподавание предметов сводилось к полному отсутствию либерализма и подчинялось в каждом своем моменте господствующей идеологии. Природоведение, например, основывалось на трудах Мичурина и Лысенко [3.-С.174]. А наиболее политизированным предметом была история, развитие которой объяснялось через призму марксизма-ленинизма с акцентом на освободительную роль Страны Советов и мировую революцию. Практическим материалом даже при преподавании точных дисциплин должны были служить примеры из социалистического строительства и противостояния социалистического строя с капиталистическим, где социализм имел наивысшие показатели. Не допускались примеры, в которых советская власть могла каким-то образом дискредитироваться, что угрожало последствиями вплоть до ареста. Неудовлетворительным признавалось обучение, в котором «учитель недостаточно связывает преподаваемый материал с интернациональным и антирелигиозным воспитанием учеников» [1.-Ф.7580 “П”.-Оп.1.-Д.427.-Л.14].

Особого внимания заслуживает анализ программ преподавания языков, ситуация с которыми имела наибольший резонанс как в школах, так и высших инстанциях.

Первоначально предполагалось “в целях ликвидации отсталости в знаниях русского и белорусского языков, не нарушая количества часов, отведенных на общеобразовательные предметы, разрешить Наркопросу БССР увеличить количество часов по учебному плану на изучение русского и белорусского языков во всех школах по два часа в неделю на каждый класс сверх нормы учебного плана” [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.158.-Л.47]. Планировалось “ввести изучение русского языка в белорусских школах и школах национальных с 3-го класса; изучение белорусского языка в русских школах ввести с 3-го класса, а в школах национальных – со 2-го класса” [2.-С.303]. Однако организовать обучение такому количеству языков по причине острой нехватки кадрового ресурса не представлялось возможным, по крайней мере в ближайшее время. А в 1939/40 учебном году Наркомпросом признавалось необходимым «установить следующие обязательные для изучения языки:

- а) в белорусских школах – белорусский;
- б) в русских школах – русский и белорусский;
- в) во всех национальных школах, кроме родного языка, вводится для обязательного изучения белорусский язык» [2.-С.306].

Изучение русского языка во всех национальных школах посчитали рациональным вводить с 1 сентября 1940 г. [2.-С.307] Интересно, что в школах западных областей Украины русский язык предусматривался уже в программе 1939/40 учебного года [9.-С.426-429].

Такое развитие событий происходило официально. В верхах же параллельно был разработан проект о сокращении изучаемых в школах языков.

“Первоотличком” явилось постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. о введении преподавания русского языка в начальных нерусских школах со 2-го класса, а неполных средних и средних – с 3-го класса. Таким образом, как сообщала Е. Уралова в докладной записке “О преподавании языков в школах БССР” от 21 февраля 1940 г., создавалась “неизбежная путаница и много затруднений”, так как дети, поступавшие в 5-й класс из начальных школ, имели неодинаковый объем знаний с учащимися пятых классов школ других ступеней. “По мнению учительства Белоруссии, – говорилось в документе далее, – русский язык в начальных школах целесообразнее начинать со 2-го класса, так как наши дети... прекрасно понимают русскую речь, родственную белорусскому языку, и изучение русского языка со 2-го класса для них большой трудности не представит” [4.-Ф.4.-Оп.3.-Д.932.-Л.205-206]. Внимание на то, что для молодого поколения присоединенных земель, в отличие от своих восточных сверстников, в аналогичной роли выступал польский язык, не обращалось, чтобы не ставить под сомнение сходство белорусского с русским. А как показал опыт, изучение русского языка в западнобелорусских школах представляло огромные трудности.

Вторым вопросом, который поднимался Наркомпросом БССР для получения указаний “со стороны ЦК ВКП(б)”, было “преподавание языков в школах западных областей Белоруссии”, где имелось шесть типов национальных школ, в которых, за исключением русских и белорусских, вводилось изучение, кроме родного языка, русского, белорусского, а с 5-го класса и иностранного языков. Такое положение перегружало учеников национальных школ, ведь для многих белорусский и русский языки являлись практически как иностранные. Полагалось, что было бы целесообразно в еврейских, польских и литовских школах “начинать преподавание русского языка со 2-го класса, а белорусского – с 3-го” в украинских же школах белорусский язык исключить из программ вообще. Говорилось также, что родители учащихся этих национальных школ высказывали пожелания “оставить только один русский язык преподавания, помимо родного” [4.-Ф.4.-Оп.3.-Д.932.-Л.206-207].

На такой основе и был разработан проект ЦК КП(б)Б “О преподавании языков в начальных, неполных средних и средних школах БССР” для утверждения его в ЦК ВКП(б). Суть документа заключалась в следующих решениях:

“1. Считать целесообразным начать преподавание русского языка в белорусских школах, как в начальных, так и неполных средних и средних школах со 2-го класса.

2. В национальных школах (еврейских, польских, украинских) в начальных школах и начальных классах НСШ и СШ оставить преподавание трех языков – родного, русского и иностранного» [4.-Ф.4.-Оп.3.-Д.932.-Л.203].

Как известно, преподавание русского языка в 1–7-х классах школ западных областей Белоруссии вводилось с 1-го сентября 1940 г., начиная со 2-го класса [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.247.-Л.47]. Почему не воплотили в жизнь в следующем, 1940/41 учебном году проект о сокращении изучаемых в школах языков (учитывая, что с мест продолжали поступать просьбы о пересмотре программы и сокращении количества языков [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.255.-Л.144-145]), ответа в источниках не найдено. Возможно, посчитали такой ход несвоевременным для политического контекста, который в то время не был статичным или даже лишним: в случае “самоликвидации” национальных школ, как это двумя годами ранее произошло в восточной части Белоруссии, где остались школы лишь с белорусским и русским языками преподавания, высшие инстанции формально не являлись бы ответственными за исчезновение национальных школ из-за поступления инициативы “снизу”.

Критическое положение с преподаванием языков в школах западных областей Белоруссии отразилось на качестве их усвоения учениками: именно эти дисциплины давали основной процент неуспеваемости [1.-Ф.282.-Оп.2.-Д.20.-Л.40]. Как констатировалось в докладной записке ЦК КП(б)Б, “в большинстве районов изучение белорусского языка в школах находилось в неудовлетворительном состоянии” [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.356.-Л.8]. Принятое в этой связи постановление от 24-25 января 1941 г. “Об изучении белорусского языка в ВУЗ’ах, техникумах и школах БССР” носило, по мнению А. Вабищевича, “ярко политический характер” [10.-С.205] и практически не успело реализоваться.

Уже тогда складывалось отношение к белорусскому языку как к второстепенному, закрепленное решением НКП БССР от 18 марта 1941 г., согласно которому дети прибывших с востока родителей освобождались от испытаний по белорусскому языку и литературе, хотя изучать их были еще обязаны [1.-Ф.279.-Оп.1.-Д.2.-Л.25] (в послевоенное время и это было отменено).

Таким образом, становится понятным, что русификация западнобелорусских школ планировалась изначально. Более того, нормы орфографии белорусского языка, уже однажды (в 1933 г.) измененные в сторону “упрощения” (на самом же деле – утраты аутентичности и приближения к русскому языку), вскоре собирались “усовершенствовать” еще раз [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.240.-Л.23], но, не успев, произвели это после войны (в 1957 г.).

Преподавание многих других предметов находилось также в неудовлетворительном состоянии. В первую очередь это касается истории, требовавшей особенного идеологического внимания, но чуть ли не наименее обеспеченной необходимым учебным материалом и учителями. Такое положение приводило к отсутствию преподавания этой дисциплины или к

“грубейшим политическим извращениям” [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.255.-Л.183], которые были более негативным явлением для власти, чем отсутствие преподавания некоторых предметов, – лишь бы школа не подвергалась “контрреволюционному” влиянию. О нескрываемом предпочтении такого отношения к преподаванию гуманитарных дисциплин говорят архивы: “Гуманитарные предметы в школах не преподают. На данном этапе это, конечно, правильно (! – А.Т.), но когда их введут, трудно сказать. Наркомпрос в этом отношении пока ничего не предпринял” [4.-Ф.4.-Оп.21.-Д.1774.-Л.64].

Преподавание иностранных языков в советской школе находилось на совершенно низком уровне. Признавалось неоспоримое преимущество по этой дисциплине обучения в польской гимназии [4.-Ф.4.-Оп.3.-Д.932.-Л.208]. Поэтому НКП принял следующее решение: “Учитывая, что программа по иностранным языкам в VIII-X классах реорганизуемых школ выполнена, в учебный план этих классов иностранный язык не включать. Ввести иностранный язык в VIII-X классах с 1-го сентября 1940/41 учебного года” [11.-С.3]. По школам всей республики отменялось преподавание иностранного языка в V-VII классах с целью ликвидации растянутости при его изучении [4.-Ф.4.-Оп.3.-Д.932.-Л.203,208-209].

Сознательное игнорирование гуманитарных предметов, уменьшение часов, отводимых на их изучение, в ходе изменения учебных программ происходило примерно пропорционально увеличению внимания точным дисциплинам. При их преподавании, как и “завещал” В.И. Ленин [12.-С.96], необходимо было “приблизить теорию к практике, увязав вопросы теории с жизнью, техникой” [2.-С.366], что для большинства школ западных областей БССР было очень актуально в силу “разрыва между теорией и практикой” [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.240.-Л.21,24-30]. Однако материально-техническая база школ не могла удовлетворить таких преобразований [3.-С.177; 4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.356.-Л.59].

Военная подготовка в советской школе начиналась со школьной скамьи. Однако накануне 1940/41 учебного года заговорили об увеличении физкультурной и военной подготовки на данном этапе развития общества и государства [13.-С.51-56], и ее преподавание было решено расширить: “для лучшей подготовки школьников к службе в Красной Армии в учебные планы V-VII классов была введена начальная военная подготовка; в VIII-X классах вводилась допризывная подготовка по особой программе” [14.-С.413]. То есть первые навыки военного дела советские дети стали получать с 12 лет, что четко соответствовало установкам В. Ленина [15.-С.318].

Что касается языкового аспекта преподавания предметов, который являлся основой соблюдения статуса национальной школы, то многочисленные сигналы [1.-Ф.7580 “П”.-Оп.-1.-Д.431.-Л.10; 4.-Ф.4.-Оп.-27.-Д.224.-Л.10] свидетельствуют о тотальных нарушениях в сторону чаще всего русификации.

Стоит добавить, что учителям, в особенности гуманитарных предметов, приходилось постоянно “лабиринтировать” чтобы не сбиться с курса, задаваемого партией. Например, белорусские школы испытывали проблемы с содержанием преподавания белорусской литературы из-за перемен во внешней государственной политике, необходимо было остерегаться упоминания “врагов народа” количество которых в то время увеличивалось, в западных областях проблемы усугублялись реорганизационными трудностями и инерцией моральных приоритетов предыдущей системы школьного образования.

Работа советской школы с учащимися не ограничивалась сугубо системой уроков. “Работа с учащимися во внеклассное время должна стать органической обязанностью педколлектива школы, и ни один учитель не может считать себя свободным от этой работы” [2.-С.367], – говорилось в приказе наркома просвещения БССР. Для осуществления этой работы в школах создавались ученические организации, первоочередной задачей которых являлось содействие “учителям в воспитании учеников сознательными, честными и преданными гражданами социалистической родины, грамотными, культурными и дисциплированными” [11.-С.25]. Обязательным становится проведение политинформационных занятий. Начавшие организовываться практически немедленно после установления советской власти пионерские отряды и комсомольские ячейки, как известно, были проводниками сугубо

идеологической доктрины коммунистической партии и также должны были принимать активное участие в задействовании учеников вне уроков.

Формы внеклассной и внешкольной работы применялись разнообразные. Целью являлось все то же коммунистическое воспитание подрастающего поколения, которое предполагало в себе атеистическое воспитание и военно-физкультурную подготовку.

В школах создавалась целая сеть кружков. Необходимо было “особенно обратить внимание на организацию технических кружков” [2.-С.367]. Несмотря на трудности, “в интересах сближения учебной работы по предметам физико-математического и естественноведческого циклов с жизнью с 1940/41 учебного года в школах республики по указанию НКП стала создаваться сеть предметных кружков... Школам было предложено развернуть в порядке внеклассной работы изучение учениками автомобиля, трактора», в сельских школах предполагалась организация приусадебных, “учебноопытных” участков [16.-С.119].

Анализ работы кружков, проведенный И. Еленской, раскрывает их, в первую очередь, “антирелигиозную направленность”, которая, подстегиваемая постановлениями высших инстанций, интенсивно усиливалась [17.-С.171-175]. Популярными в то время стали мини-спектакли, в ходе которых дети просили сладостей сначала перед иконой у Бога – безрезультатно, а затем – у Сталина перед его портретом, после чего просьба “чудесным” образом выполнялась. В этом Е. Миронович обоснованно видит перенос атрибутов Бога на вожда мирового коммунистического движения [18.-С.123].

Причем антирелигиозная деятельность выходила далеко за рамки школы и вторгалась в семейную жизнь учащихся, разрушала многовековые традиции. Хотя первоначально ЦК КП(б)Б постановляло “обеспечить глубокую разъяснительную работу, исключая всякое администрирование и грубость, могущие оскорбить чувства верующих” [2.-С.303]. На самом деле стояла задача именно “вырвать детей из-под влияния церкви и фанатичных сектантов”, в чем особая роль отводилась комсомольскому и пионерскому движениям [19.-С.42-43,50-52]. Распространение охвата детей пионерскими отрядами было настолько стремительным, что даже советские статисты указывали заниженные данные, говоря о 650 отрядах с 22833 пионерами на октябрь 1940 г. [20.-С.109], ведь в 1940/41 учебном году только в трех областях из пяти созданных в 1939 г. (Белостокской, Вилейской, Пинской), по данным архивов, существовало 877 отрядов с не менее чем 30000 пионеров [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.400.-Л.32; 2.-С.373; 1.-Ф.7583.-Оп.1.-Д.98.-Л.78]. Правда, пример Белостокской области свидетельствует, что подавляющее большинство пионерских отрядов находилось в городской местности [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.8].

Процесс расширения пионерской организации и ее воздействия на детей происходил не так гладко, как это может показаться из приведенных цифр. Довольно крепкие жизненные устои жителей западнобелорусского региона, принадлежавших в основном к трем религиозным конфессиям (православию, католицизму, иудейству), зачастую являлись существенной преградой распространению в этой среде коммунистической идеологии и иногда приводили к оттоку из пионерских отрядов [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.410.-Л.314]. Архивами зарегистрированы многочисленные факты непринятия и даже сопротивления таким новшествам среди подрастающего поколения. Чаще всего использовалась пассивная форма противостояния. Она была характерна для представителей всех трех конфессий. В дни религиозных праздников (а евреи еще и по субботам) ученики отказывались писать или вообще не посещали школы [4.-Ф.4.-Оп.27.-108.-Л.17; 21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.400.-Л.31,77]. Искоренение преподавания религии произошло не сразу после официального ее запрещения. Даже в школах поначалу имела место учебная деятельность ксендзов [22.-С.160-161]. Впоследствии она переместилась в культовые заведения, но и там ее преподавание, а тем более антисоветская агитация или деятельность подвергались элиминации [23.-С.83,99]. Иногда ученики самостоятельно принимали решения о проведении молитв после уроков, приурочивая их к государственным праздникам Польши [23.-С.150-152]. Еврейское население имело при многих синагогах также нелегальные религиозные

школы, внимание к которым со стороны органов НКВД угрожающе усилилось с февраля 1941 г. [24.-С.186-191].

Больше всего эксцессов в связи с оккупацией и советизацией школы происходило в Белостокской области, среди жителей католического вероисповедания. Многие гимназисты еще в сентябре 1939 г. приняли участие в боях против Красной Армии [25.-С.32,46]. А после установления советской власти патриотическая деятельность продолжалась подпольно. По сообщению Е. Семашко, “в Гродно параллельно действовали... конспиративные ячейки, в том числе польская военная организация, основу которой составляли ученики местных гимназий. Вскоре она установила контакты с учащейся молодежью по всей территории Западной Белоруссии, стали регулярно курсировать связные, начались совместные скоординированные акции по антисоветской пропаганде” [26.-С.16]. Противостояние идеологическому засилью приобретало формы антагонизма и конфронтации. Учащиеся действовали как подпольно, так и открыто. Уничтожали советскую атрибутику, вывешивали антисоветские листовки, лозунги и портреты деятелей Польши, высказывали недовольство советской властью, выступали против изучения белорусского и русского языков [1.-Ф.7580 “П”.-Оп.1.-Д.152.-Л.13; 4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.243.-Л.2,6,8; 21.-Ф.2.-Оп.50.-Д.1.-Л.211; Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.10; Д.9.-Л.113; Ф.6196.-Оп.1.-Д.424.-Л.51]. Следует отметить, что непринятие белорусского языка наблюдалось и среди детей приезжих [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.9.-Л.114], которые к тому же часто не отличались прилежной дисциплиной [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.10]. В некоторых случаях доходило до травли, физической борьбы с комсомольцами и пионерами и таких же антисемитских проявлений [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.9; Д.399.-Л.27-28]. В Лиде, Ломже и некоторых других городах и местечках западных областей БССР состоялись школьные забастовки [1.-Ф.7580 “П”.-Оп.1.-Д.152.-Л.13;10.-С.201]. Наиболее активные учащиеся подвергались гонениям и арестам [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.108.-Л.17; 21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.9]. Причем такие меры имели характер отнюдь не единичный. В одной только гимназии Августова (Белостокская обл.) было арестовано 40 учащихся, среди которых были 12-13-летние подростки [27.-С.291]. Из всего количества членов выявленных на 27 июля 1940 “контрреволюционных” организаций в западных областях БССР г. школьной молодежи насчитывалось 1190 человек (или 13,6 %) [23.-С.207].

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была в основном ликвидирована. Даже в самых экстремистских польских школах, “по данным на март 1941 г., была достигнута почти нормальная “О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР” от 10 февраля 1941 г. [17.-С.174] Вместо религиозных праздников широко и напыщенно стали отмечать красные даты новой государственной доктрины, в чем школы должны были принимать обязательное активное участие. Даже молчаливое прохождение колонны учащихся во время демонстрации в честь Октябрьской революции, имевшее место в г. Бресте, расценивалось как форма протеста [28.-С.236].

Многочисленность документов о “контрреволюционной” антисоветской настроенности и часто даже активной деятельности среди учащихся учебных заведений свидетельствует о том, что школа, особенно в Белостокской области, являлась одним из очагов непримиримости с новой властью и подпольной борьбы против нее. Юношеский максимализм, не терпящий конформизма, зачастую выступал в качестве той лакмусовой бумажки общественных взглядов, которую хотели, но так и не смогли в полной мере ликвидировать органы большевистской власти, что проявлялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В прошлом секретный рапорт секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Кудряеву от 10 мая 1941 г. говорит о “господствовании” (термин документа) антисоветских настроений среди учащихся и учителей в школах типичного для Белосточчины городка Августова [23.-С.399-401].

Кроме антирелигиозной борьбы и пресечения подпольной деятельности, немало внимания уделялось военно-физкультурной работе с учащимися вне школы, и это несмотря на то, что в школьных программах время на подготовку учащихся к армии было значительно увеличено. Еще до объединения белорусских земель была разработана целая система мероприятий, которыми по мере возможности охватывались школьники на новых территориях.

Флагманом в этой деятельности выступали комсомольская и пионерская организации. В многочисленных кружках и клубах детей, начиная с 12-летнего возраста, обучали военному мастерству, под которым подразумевалось: умение пользоваться винтовкой и другим оружием, противогазом, ходить на лыжах, метать гранату, оказывать медицинскую помощь, ориентироваться по компасу, знание топографии, азбуки Морзе, изучение противовоздушной и противохимической обороны и мн. др. С этой целью проводились различного рода игры, походы, соревнования. Существовали специальные нормативы, за выполнение которых вручались оборонные значки [29.-С.127-128; 30.-С.21-22; 14.-С.415-416]. Особенную известность в советской историографии имела игра “На штурм”, парадокс которой заключается в несоответствии ее названия с декларируемым оборонным контекстом подобных мероприятий.

Таким образом, видно, что стояла задача перманентного воздействия на подрастающее поколение в коммунистическом духе, ибо даже в период каникул идеологическая обработка детей продолжалась, только инициатива в летнее время переходила к организованным пионерским лагерям, сеть которых достаточно оперативно была создана в западных областях Белоруссии. В лагерях одной Вилейской области летом 1940 г. побывало свыше 5000 человек [30.-С.22]. Уже тогда лагерь-флагман Белоруссии “Нарочь” был “преобразован в республиканский образцовый военно-физкультурный лагерь”, а в следующем году Наркомпрос и ЦК ВЛКСМБ обязывались ввести в пионерских лагерях трудовое и военно-физкультурное воспитание не менее четырех часов в день” [31.-С.112]. Кроме того, в период летних каникул “комсомольские организации не прекращали работу”: “регулярно проводились собрания, вечера, теоретические конференции, работали кружки” [32.-С.108]. В отношении школ издавались приказы подобного рода: организовать экспедиции и походы школьников во время каникул с различными целями (изучение географии и природы родного края, воспитание в советском духе, физическая и военная подготовка) [1.-Ф.279.-Оп.1.-Д.9.-Л.9]. Впоследствии историки Советской Белоруссии скажут, “что одержанная невероятной ценой победа советского народа – это также победа нашей системы школьного образования. <...> Не только в морально-политическом, но и в известной мере в военном отношении вчерашние школьники были подготовлены к суровым испытаниям войны” [33.-С.3,5].

Договоры социалистических соревнований между школами, широко распространенные в Стране Советов и в большой степени обязательные как метод активизации деятельности, кроме пунктов, касающихся улучшения успеваемости и дисциплины (к чему в принципе и должны стремиться в школах), имели такие положения, как “организация физкультурно-оборонной работы: массовые военизированные походы, массовая сдача норм на значки ГСО, ПВХО, ЮВС, ГТО” “работа среди родителей по вопросу коммунистического воспитания детей” [1.-Ф.279.-Оп.1.-Д.2.-Л.15-16]. Как можно судить по тому, что соцсоревнование являлось “мощным средством коммунистического воспитания школьников” [2.-С.383], выполнение его задач занимало при определении победителя не последнее место. Для каждого района существовали нормы подготовки молодых “значкистов”: например, для Ломжи – 300 человек, для других районов Белостокской области – от 20 до 60 [34.-С.106].

Приведенный пример показывает, что воздействие школы распространялось не только на учащихся, но и на их родителей, которые должны были помогать школе растить поколение, “беззаветно преданное делу Ленина – Сталина, проникнутое ненавистью к врагам трудящихся» [11.-С.28]. С этой целью в каждой школе создавались родительские комитеты [11.-С.28-31], а среди самих родителей проводилась “педагогическая пропаганда” (родительские университеты, доклады, консультации и др.) [2.-С.368].

Таким образом, школу в западных областях Белоруссии уже в конце 1939/40 учебного года в полной мере можно называть советской: содержание школьных программ и преподавание всех предметов, внеклассное и внешкольное задействование учащихся, за редкими, быстро прерываемыми исключениями, стали примерно соответствовать целям, которые ставились перед школой, а именно – наладить процесс воспитания “советского человека”. И хотя до лета 1940 г. еще поступали сигналы, что “реорганизация школ на советскую систему обучения в значительной части школ проведена формально” (Вилейская

область) [4.-Ф.4.-Оп.27.-Д.255.-Л.183], августовским приказом НКП заведующие отделами народного образования обязывались “в 1940/41 учебном году закончить полную реорганизацию школ западных областей на советскую систему” [2.-С.363], что и было сделано.

Развернувшаяся антирелигиозная кампания, хотя и не смогла привить основной массе учеников атеистическое мировоззрение, принесла свои плоды в виде формального соблюдения минимальных требований: например, посещения школы во время религиозных праздников, прекращения антисоветских выступлений.

Пионерские и комсомольские организации (последних к началу 1940/41 учебного года в школах западных областей насчитывалось 128 [32.-С.108]), несмотря на нехватку и низкий общеобразовательный уровень кадров [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.398.-Л.100; Д.399.-Л.8], за короткое время смогли широко развернуть свою деятельность (рост числа пионеров все равно признавался слабым [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.9]; остается также полностью невыясненным феномен популярности пионерии среди еврейских детей, в отличие от неконформизма польских). Характерной особенностью того времени было то, что в пионерские отряды вовлекалось много детей местного населения, а среди комсомольцев подавляющую часть составляли приезжие [35.-С.155-162], кампания по их набору для организации пионерской работы в западнобелорусских школах была проведена в конце 1939 г. [36.-С.177] Прием в ВЛКСМ молодых учителей из местных протекал вяло [21.-Ф.6195.-Оп.1.-Д.291.-Л.8].

Военно-физкультурная работа в школах западных областей не приобрела развернувшихся на востоке масштабов, но стала не менее ощутимым элементом при характеристике жизни и деятельности школьников, в особенности членов пионерской организации. Все сводилось к тотальному контролю школы над ее учащимися, счастливое детство которых обеспечивалось не на практике, а путем коммунистического воспитания (читай – зомбирования) в сознании.

Источники и литература

1. Государственный архив Брестской области.
2. Народное образование в БССР: Сб. документов и материалов. – Минск, 1980. – Т. 2: 1928-1941 гг.
3. Pietrowska O. Polityka w dziedzinie oświaty i kultury na obszarze Polesia Brzeskiego w latach 1939 – 1941 // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939 – 1941. – Warszawa, 1995.
4. Национальный архив Республики Беларусь.
5. Панамарэнка П. З’еднанне беларускага народа // Чырвоная змена. – 1940. – 10 лютага.
6. Лебедев А.Ф., Чугуев Т.К. Об антирелигиозном воспитании в школе // Советская педагогика. – 1940. – № 8.
7. Шейнберг А. Е. Антирелигиозное воспитание в средней школе // Советская педагогика. – 1938. – № 3.
8. Маркова А.И. Об антирелигиозном воспитании детей в начальной школе // Советская педагогика. – 1939. – № 10.
9. Glowacki A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939-1941. – Łódź, 1998.
10. Вабішчэвіч А. 3 нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939-1941 гг.: моўны аспект // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. – Białystok, 2000.
11. Інструкцыя аб парадку рэарганізацыі заходніх абласцей БССР. – Мінск, 1939.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М., 1963. – Т. 38.
13. Лейкина М. Физическая культура в школе // Советская педагогика. – 1940. – № 4-5.
14. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917-1941. – М., 1980.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1963. – Т. 41.
16. Дрозд Л.Н. Развитие средней общеобразовательной школы в Белоруссии (1917-1941). – Минск, 1986.
17. Еленская Е. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939-1941 // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. – Białystok, 2000.
18. Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. – Беласток, 1999.
19. Царюк И.О. КПБ – организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии (1939-1955 гг.). – Минск, 1969.

20. Гісторыя Беларускай ССР. У 5-і т. – Мінск, 1975. – Т. 4.
21. Государственный архив общественных объединений Гродненской области.
22. Gnatowski M. Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939 – 1941 w świetle dokumentów // *Studia Podlaskie*. – 1997. – Т. VII.
23. Gnatowski M. Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemnie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939 – 1941 w radzieckich źródłach. – Białystok, 2001.
24. Розенблат Е. Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939 – 1941 гг.) // *Радзеекая агража 17 верасня 1939 г. і яея skutki dla mieszkanców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. – Białystok, 2000.
25. Cygan W.K. Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. – Warszawa, 1990.
26. Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. – Мінск, 1994.
27. Batura W., Makowski A., Szlaszyński J. Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku. – Suwałki, 1997.
28. Петровская О.В. Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939-1941 годах // *Радзеекая агража 17 верасня 1939 г. і яея skutki dla mieszkanców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. – Białystok, 2000.
29. Чигринов П. Г. К защите Родины всегда готовы. Работа комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи накануне Великой Отечественной войны // *Партии помощник боевой. Доклады научно-теоретической конференции по вопросам истории комсомола Белоруссии, посвященной 50-летию ВЛКСМ* / Под общей ред. А.Е. Журова – Минск, 1968.
30. Драбышэўская М. Ваенна-патрыятычнае выхаванне школьнікаў Беларусі (1939-1941) // *Народная асвета*. – 1972. – № 4.
31. Чыгрынаў П. Да абароны Радзімы. Дзейнасць камсамола Беларусі па ваенна-патрыятычнаму выхаванню моладзі ў гады трэцяй пяцігодкі (1938 – чэрвень 1941 гг.). – Мінск, 1973.
32. Дрозд Л. Н. Становление советской средней школы в западных областях Белоруссии (1939-1941 гг.) // *Педагогика и психология. Вопросы истории школы и педагогики в БССР*. – Минск, 1976. – Вып. IX.
33. Умрейко С.А., Залесский А.И., Кобринец П. Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. – Минск, 1980.
34. Wincenciak W. Łomżyńskie tradycje oświatowe a szkolnictwo w czas radzieckiej i niemieckiej okupacji. – Łomża, 2001.
35. Каваленя А. Моладзь Заходняй Беларусі ў першы перыяд другой сусветнай вайны. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. (дэмаграфічны і ваенна-палітычны аспекты) // *Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнарод. навук.-тэарэт. канф.*, 17-18 верас. 1999. – Мінск, 2000.
36. Петровская О. В., Литвинович В. Е. Влияние кадровой политики ВКП(б) на миграционные процессы в г. Бресте (1939 – 1941 гг.) // *Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст, 23 – 24 красавіка 1998 г.: У дзвюх частках*. – Брэст, 1998. – Ч. II.

SUMMARY

At the end of 1939/40 academic year school in the western regions of Belarus can be already called soviet: the content of schools' schedules, out-of-class and extra-curricular activities approximately corresponded to the aims which were set to school, namely, to arrange a process of bringing up "sovietman". 1940/41 academic year was going under the influence of unification and the soviet Enlightenment of that time. The unification was characterized by predominance of communist ideology and the sciences, antireligious trends and intensification of attention towards military – physical training.

Waldemar Maziarczyk

ZAMOŚĆ W OKRESIE WOJNY POLSKO – BOLSZEWICKIEJ 1920 R. (REAKCJE SPOŁECZNE NA WYDARZENIA FRONTOWE)

Powstanie niniejszego artykułu ma ścisły związek z zainteresowaniami i możliwościami badawczymi autora. Od wielu lat ze względu na charakter pracy zawodowej ma on bezpośredni dostęp do źródeł historycznych dotyczących rodzinnego miasta. Możliwość zaprezentowania, co prawda, bardzo krótkiego odcinka jego dziejów mieszkańcom dalekiego Tokmaku stała się nieodpartą pokusą. Skonstruowanie naukowego tekstu, który mieściłby się w ramach tematycznych obecnej konferencji było możliwe dzięki faktom mającym miejsce w miesiącach letnich 1920 r. Wydarzenia wojny polsko